

Имя генерала Е. П. ПИТОВРАНОВА пока не занесено в Книгу рекордов Гиннесса, хотя по сроку службы в органах госбезопасности он наверняка абсолютный мировой рекордсмен. Евгений Петрович прослужил ровно полвека - с 1938 по 1988 г., и сорок два года из них - генералом. В разное время он возглавлял разведывательные подразделения и контрразведку, был заместителем министра госбезопасности, представителем КГБ в Восточной Германии и Китае, начальником Высшей школы КГБ.

Несмотря на свои без малого восемьдесят лет, он продолжает работать, правда, теперь на ниве чистого бизнеса. Но годы берут свое, и наступило его время вспоминать. Делает он это не слишком охотно, постоянно что-либо недоговаривая. И все же каждый его рассказ - открытие новых тайных сторон отечественной истории.

- Евгений Петрович, с 1957 по 1960 г. вы были начальником Четвертого управления КГБ. Удивительно: такой серьезный профессионал - и вдруг, мягко скажем, не уважаемая всеми идеологическая контрразведка...

- Ну, во-первых, места службы я практически никогда не выбирал. Назначали - шел и работал. Во-вторых, поначалу эта должность была для меня временной. Председатель Комитета госбезопасности Иван Александрович Серов говорил мне, что добивается моего назначения начальником Главного разведывательного управления Генштаба. Но судьба сложилась по-другому. Начальником ГРУ стал сам Серов, а я задержался в Четвертом управлении. Что же касается грязной работы, то кто мог оставаться чистым в этих авгиевых конюшнях? Я имею в виду творческие союзы. Постоянные склоки, раздоры, доносы. Особенно в Союзе писателей. Все пишущие! Нам оттуда анонимки мешками доставляли. Я даже у них на собраниях выступал. Привыкал покончить с этим. Все без толку.

- Но вы же занимались и преследованием писателей. Пастернака, например...

- Тут существовало разделение труда. Мы наблюдали и докладывали в ЦК. Там принимали решение и давали указания. А травили собратьев по перу сами писатели. Причем мне это было крайне неприятно. Какая там у Пастернака антисоветчина! Вдвойне неприятно и потому, что я очень любил его переводы сонетов Шекспира.

- Наблюдали и докладывали... А как технологически осуществлялось вмешательство в жизнь людей искусства? И ваше взаимодействие с ЦК? Скажем, в судьбе Майи Плисецкой, как она пишет в своих мемуарах, вы тоже оставили след.

- Ну это как раз пример радостный. Удалось человеку помочь. Я вам совершенно точно расскажу, как это было.

Все началось со звонка Шелепина - он тогда стал председа-

телем КГБ: «Зайди». Иду. «Через сорок минут, - говорит Александр Николаевич, - у меня будет Плисецкая. Ты ее знаешь?» - «Как артистку, конечно. Но лично с ней не знаком». - «Твое мнение?» - «На нее, - говорю, - накопилось несколько томов». - «Что там?» - «Болтовня. Главным образом, болтовня».

- Результаты прослушивания?

- Нет, в основном агентурные материалы. Прослушивание начнется позже.

Говорю Шелепину, что не все в порядке у нее со связями. Неразборчивая, болтушка. Очень экспансивная. Когда входит в экстаз, может наболтать не весть что.

Она всегда была очень падка на всякие предложения. Вот Пьер Карден, скажем, попросил ее сдаться проводницей идеи создания в Москве ресторана «Максим». И она стала ко всем приставать с этим.

- Вы, кажется, тоже были знакомы с Карденом?

- Да, мы встретились с ним намного позже. Он и ко мне с этой затеей обращался. Я доложил Андропову. Юрий Владимирович говорит: «Ну слушай, Евгений, это же оперетта! «Пойду к «Максиму» я, там ждут меня друзья...» Нет, не надо. Нас смеют. Что, для нашей работы мы ничего другого дельного не придумаем?» - «Карден все-таки», - говорю. «Да черт с ним, с Карденом этим!»

- А зачем, собственно, Шелепин вызвал Плисецкую?

- Решался вопрос о поездке Майи на гастроли в США, а фактически - кому быть ведущей солисткой Большого. Уланова сошла со сцены. Максимова не подросла еще до таких масштабов, чтобы достойно представлять Советский Союз так, как его представляли до нее, при Улановой.

- Получается, что солистами балета, гениальными художниками и писателями назначали в КГБ?

- Мы отвечали за противодействие западным спецслужбам при выезде артистов за границу. Вдруг бы Плисецкой помогли остаться или она наболтала бы лишнего? Я собрал сотрудников. Спрашивало: «Как быть?» Ребята отвечают: «Вообще-то опасно». - «А что опасно?» Перечисляют: «То-то, то-то, то-то...» - «Ну, - говорю, - у нее же все-таки семья. И вы сами говорите, что возле нее есть наш агент и сильно на нее влияет».

- Но Майя Михайловна пишет не об агенте, а о том, что КГБ подозревал ее в работе на англичан и за нее велась слежка...

- Нет. Не припомню ничего подобного. Может быть, что-то было, когда я работал в Германии? Нет, вряд ли.

- Плисецкая утверждает, что Серов писал записку о ее связях с иностранцами в Политбюро.

- Ну уж это полная чушь. Во-первых, Политбюро не занима-

ков просто уши вянут. Все это ее минусы. Плюсы ее известны. Но минусов-то не меньше. Поэтому дело очень деликатное».

Смотрю, она сидит, зубы сцепила, кулаки сжала, вся клокочет. «А ты знаешь, - Шелепин обратился ко мне на «ты», - я был с ней на фестивале в Вене. Она прекрасно себя вела». - «Ну и чудесно, - отвечаю, - дай Бог, чтобы она и в Штатах так себя вела, если ее пошлют. У меня уверенности в ее поездке нет». Шелепин: «Майя, а ведь правильно говорит Евгений Петрович. Болтать то ты мастерица, тебе надо поосторожнее быть. Имей это в виду. Решается серьезнейший вопрос. Ты будешь представлять всю страну». Дальше пошел закругляющий разговор, и конец.

- Спектакль дал желаемый результат?

- Наутро мне сводочка. Пока она у нас сидела, квартиру оборудовали прослушиванием. Но ненадолго, на сутки. Ну так, сводочка. Море ярости с вулканами гнева. Плакалась она Шедрину весь вечер. «Этот Питовранов такая сволочь! Откуда он мою голову взялся?! Шелепин отнесся ко мне по-дружески. А этот, как скорпион, вцепился в меня, и все».

- А в ваши «педагогические» планы не входил вызов родителей в школу?

- Не родителей, а мужа - Родиона Шедрина. Я решил подействовать и через него. Естественно, к себе приглашать его не стал. Попросил общих друзей познакомить меня с ним. Увиделись мы через день или два. Привез он на меня чудесное впечатление. Честнейший человек. Я его невооруженным глазом разглядел. Сразу нашли общий язык. Он рыбак, я рыбак. Искусство, литература - словом, разговор пошел замечательный. Я говорю: «Родион Константинович, решается вопрос о Майе Михайловне. Серьезный вопрос. У нее есть определенные минусы. Я не хочу ее охаивать. Но ошибки и недостатки есть. Я очень прошу вас, по-дружески прошу, корректировать эти ее эмоциональные выплески».

- Внешне все выглядело так, будто вы разрушаете карьеру Плисецкой. При ее разговорчивости слава палача интеллигентии могла закрепиться за вами надолго...

- Не это меня пугало. Меня возмутило, что все ушли в кусты. Мы провели работу, дали за

Майю гарантии. А все наплевали на это. Я решил довести это дело до конца. Нужно было найти выход из положения. Помощником Хрущева был мой друг Володя Лебедев. Мы вместе учились и все институтские годы жили в одной комнате в общежитии. Когда я работал в Москве, мы виделись с ним почти ежедневно. То у меня в кабинете, то у него - в ЦК. Играли в шахматы. Иногда по две-три партии, до глубокой ночи. Заодно обсуждали текущие дела. Рассказывала ему о ситуациях с Майей. Говорю: «Володя, ты же знаешь, как Фурцева дрожит за свое кресло. Она не возьмет, я знаю, на себя ответственность в этом вопросе. Поговори с Никитой Сергеевичем». Он поговорил. Звонит мне: «Хрущев смотрит на кандидатуру Плисецкой скептически». - «Ну выбери, - говорю, - такой момент, когда у него будет хорошее настроение. Скажи ему, что знаешь меня, что ты ручаешься за меня, а я ручаюсь за Майю. Что ничего плохого от Плисецкой не будет, что всю ответственность я беру на себя». Володя молодец, все сделал, как надо. Хрущев разрешил Фурцевой готовить Майю к поездке в США.

- Плисецкая благодарила вас?

- Не сразу. Чуть позже был прием в Кремле. Не по этому поводу. Их тогда много было, этих приемов. Плисецкая стояла около Фурцевой. Я - неподалеку. Фурцева уже порядком приняла - после смещения из членов Президиума ЦК в министры культуры с ней это частенько случалось - и громкий такой разговор ведет с Плисецкой: «Ну и дурочка же ты, Майка. Питовранов тебя за волосы из дермы тащил... А ты считаешь его своим злым врагом. Твой вопрос решается по-доброму». Рядом со мной стоял Лебедев. Плисецкая к нему. Он ей тоже: «Майя Михайловна, пишите письмо Никите Сергеевичу, изложите свои просьбы, привезите мне - я доложу». Вопрос решился.

- Как складывались ваши отношения с Шедриным и Плисецкой дальше?

- Чудесно, просто чудесно. С Родионом Константиновичем мы много лет рыбачили по всему Подмосковью. Майя Михайловна регулярно присыпала мне приглашения на свои премьеры и другие интересные спектакли в Большом. Мы с женой иногда бывали у них в гостях, а они приходили к нам. Правда, с тех пор, как они перебрались жить за границу, мы стали общаться реже. Но, бывая в Москве, Майя Михайловна всегда мне звонит.

- И поэтому в своих хлестких мемуарах, где Плисецкая раздала всем сестрам по сердцам, о вас она написала с теплотой...

- Ну, конечно, ведь наш спектакль, где я «наподдавал ей под ребро», закончился для нее так хорошо: она стала прима-балериной Большого театра. Да и о многих подробностях этой истории она до сих пор ничего не знает. Потому о них и не написала. Придется мне это сделать в своих мемуарах.

Беседовал Евгений ЖИРНОВ, главный редактор информационного агентства «Росинформ»

## Архивные и факты. - 1995. - февр. 146. - 9.6.

# Большой театр на Лубянке



Среди тех, с кем Е. Питовранов дружил не только «по службе», было немало знаменитых людей.